

*Теоретический и политический
журнал*

СВОБОДНАЯ

МЫСЛЬ

№ 10 1992

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 10
июль
1992

Теоретический и политический
журнал
СВОБОДНАЯ
МЫСЛЬ

Содержание

ДИАЛОГИ **Истоки и контуры демократии** 3

ТОЧКА ЗРЕНИЯ **В. ШАПОВАЛОВ** — Российская история
и герменевтическое непонимание 17

ПОЛИТИКА **А. МАЛАШЕНКО** — Новая Россия и мир
ислама 28
М. СТЕПАНЯНЦ — О христианско-
мусульманском диалоге 37

МИР **Ж. ДЕЛОР, П. АССНЕР, Ж. Ле ГОФФ,**
А. ТУРЕН — Что такое Европа? 41

АРХИВ **Письмо академика М. С. Грушевского** 48

ИСТОРИЯ **А. ЯНОВ** — Три лика «русского
деспотизма» 53
П. ШЕВОЦУКОВ — Гражданская война.
Взгляд через десятилетия 74

ЭКОНОМИКА **Л. ЕВСТИГНЕЕВА** — Последовательность
шагов реформы 85
В. БЕЛКИН — О достоверности
информации 97

ПРОВИНЦИЯ **А. БАТРАКОВ** — Владимирские проселки 105

НАСЛЕДИЕ **В. РАЙХ** — Массовая психология
фашизма 113

КНИГИ.
ИНФОРМАЦИЯ **В. МЕЖУЕВ** — Маркс против
«марксизма» 122
Коротко о книгах 124
Об авторах 127

CONTENTS

Sources and Contours of Democracy ☆ V. SHAPOVALOV — The Russian History and Hermeneutic Non-Understanding ☆ A. MALASHENKO — New Russia and the World of Islam ☆ M. STEPANYANTS — On the Christian-Moslem Dialogue ☆ Jacques DELORS, Pierre ASSNER, Jacques Le HOFF, Alain TOURAINE — What Is Europe? ☆ Academician M. S. Grushevsky's Leller ☆ A. YANOV — Three Faces of "Russian Despotism" ☆ P. SHEVOTSUKOV — The Civil War. A Look Through Decades ☆ L. YEVSTIGNEYEVA — Succession of the Reform's Pace ☆ V. BELKIN — On the Reliability of Information ☆ A. BATRAKOV — Vladimir's Country Roads ☆ V. RAIKH — Mass Psychology of Fascism ☆ Books. Information.

SOMMAIRE

Sources et contours de la démocratie ☆ V. CHAPOVALOV — L'histoire russe et l'incompréhension herméneutique ☆ A. MALACHENKO — La Russie nouvelle et le monde islamique ☆ M. STEPANIANTS — A propos du dialogue entre chrétiens et musulmans ☆ Jacques DELORS, Pierre ASSNER, Jacques Le HOFF, Alain TOURAINE — Qu'est-ce L'Europe? ☆ Une lettre de l'académicien M. S. Grouchevski ☆ A. YANOV — Trois images du «despotisme russe» ☆ P. CHEVOTSOUKOV — Guerre civile. Plusieurs décennies après ☆ L. EVSTIGNEEVA — Filiation de la réforme ☆ V. BELKINE — A propos de la véracité de l'information ☆ A. BATRAKOV — La terre de Vladimir ☆ W. REICH — Fascisme, psychologie de masse ☆ Livres. Information.

INHALT

Quellen und Umriss der Demokratie ☆ W. SCHAPOVALOW — Russische Geschichte und hermeneutisches Unverständnis ☆ A. MALASCHENKO — Neues Rußland und die islamische Welt ☆ M. STEPANJANZ — Zum christlich-moslemischen Dialog ☆ Jacques DELORS, Pierre ASSNER, Jacques Le GOFF und Alain TOURAINE — Was ist Europa? ☆ Brief von Akademiemitglied M. S. Gruschewski ☆ A. JANOW — Drei Gesichter der „russischen Despotie“ ☆ P. SCHEWOZUKOW — Der Bürgerkrieg. Ein Blick zurück über Jahrzehnte ☆ L. JEWSTIGNEJEWA — Kontinuitätlichkeit der Schritte der Reform ☆ W. BELKIN — Zur Glaubwürdigkeit der Information ☆ A. BATRAKOW — Auf den Dorfwegen bei Wladimir ☆ W. REICH — Massenpsychologie des Faschismus ☆ Bücher. Information.

SUMARIO

Orígenes y contornos de la democracia ☆ V. SHAPOVALOV — La historia de Rusia y la incomprensión hermenéutica ☆ A. MALASHENKO — Nueva Rusia y el mundo del islam ☆ M. STEPANIANTS — Acerca del diálogo cristiano-musulmán ☆ Jacques DELORS, Pierre ASSNER, Jacques Le GOFF, Alain TOURAINE — ¿Qué es lo que es Europa? ☆ Una carta del académico M. S. Grushevski ☆ A. YANOV — Tres caras del «despotismo ruso» ☆ P. SHEVOTSUKOV — La guerra civil vista a través de los decenios ☆ L. EVSTIGNEEVA — Sucesión de los pasos de la reforma ☆ V. BELKIN — Acerca de la autenticidad de la información ☆ A. BATRAKOV — Selecciones de periódicos de Vladimir ☆ Wilhelm REICH — Psicología masiva del fascismo ☆ Libros. Información.

ПИСЬМО АКАДЕМИКА М. С. ГРУШЕВСКОГО

Главным в жизни выдающегося украинского историка М. С. Грушевского была, конечно, наука. Свидетельство тому — около двух тысяч опубликованных трудов по разным отраслям знаний и в их числе десятитомная (в 13 книгах) «История Украины — Руси» — первый фундаментальный обобщающий труд по истории Украины с древнейших времен до середины XVII века. Однако бурное время, в которое жил и работал ученый, не очень благоприятствовало научным занятиям — слишком много войн, революций и «переломов» пришлось всего на несколько десятилетий, слишком беззащитным оказался человек перед губительной волной этих событий, слишком велик был соблазн включиться в мощный поток всеобщей политизации и борьбы. Все это академик Грушевский испытал на себе в полной мере.

Его биография начиналась более чем благополучно. В 1894 году, спустя несколько лет после окончания Киевского университета, двадцативосьмилетний, но уже признанный ученый защитил магистерскую диссертацию и вскоре занял кафедру всеобщей истории Львовского университета. На протяжении многих лет он активно занимался научной и общественно-политической деятельностью в Галиции. После революции 1905—1907 годов Грушевский, не ладивший с царским правительством, так как выступал за автономию Украины, получил возможность переехать в Киев. Первая мировая война застала ученого на отдыхе в Карпатах, откуда он перебрался в Вену, потом в Италию, Румынию и в ноябре 1914 года вернулся в Киев, где был арестован. Однако ссылка в Симбирск и Казань оказалась недолгой — по ходатайству Российской академии наук Грушевского вернули в Москву.

На волне победы Февральской революции в марте 1917 года в Киеве была образована Центральная Рада. Ее председателем стал Грушевский. В июне Рада провозгласила автономию Украины, но уже в конце января 1918 года под ударами Красной Армии бежала на Волинь. В марте руководители Рады возвратились в Киев вместе с австро-германскими войсками, на штыках которых в конце апреля к власти пришло новое правительство гетмана П. П. Скоропадского. Грушевский после гетманского переворота некоторое время скрывался в Киеве, а в 1919 году эмигрировал в Австрию.

Изменения, происходившие в СССР, позволили ученому в 1924 году вернуться на родину. Он был избран академиком Академии наук Украины, а в 1929 году действительным членом Академии наук СССР. Однако в 1931 году под натиском гошевий Грушевский вынужден был остаться в Москве, где его арестовали по делу так называемого «Украинского национального центра». По замыслу ОГПУ Грушевскому отводилась роль руководителя этого сфабрикованного «центра». Однако по каким-то причинам планы изменились. Грушевского освободили, хотя дело против него прекращено не было.

65-летний ученый оказался в крайне тяжелом положении. Несколько лет в Москве он жил под постоянной угрозой нового ареста. Власти «не поощряли» его научных занятий. Резко ухудшилось здоровье (он почти ослеп). Тогда и появилось публикуемое ниже письмо М. С. Грушевского В. В. Куйбышеву.

Пробиться к влиятельному члену политбюро, заместителю председателя Совнаркома СССР, председателю Госплана СССР помог Грушевскому заместитель Куйбышева по Госплану Г. И. Ломов (возможно, какую-то роль сыграло то, что в конце 20-х годов Ломов работал на Украине). В сопроводительной записке к письму Грушевского, которая также предлагается вниманию читателя, Ломов изложил свои соображения и, видимо, попал «в точку». Во всяком случае, Грушевского действительно не стали «окончательно забирать в землю» и, более того, в том же августе 1933 года его дело закрыли.

Умер Грушевский 25 ноября 1934 года в санатории в Кисловодске. Последний том его фундаментальной «История Украины — Руси» вышел уже в 1936 году. Некоторое время спустя труды «украинского буржуазного историка, одного из

главных лидеров украинского буржуазно-националистического движения», как писали о нем в советских энциклопедиях, на многие десятилетия были запрещены.

Письмо М. С. Грушевского В. В. Куйбышеву хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Публикацию подготовил научный сотрудник ЦГАОР О. Данилов.

Валериан!

Пересылаю тебе письмо академика Грушевского. Он пишет тебе о своих горестях. Я считаю, что при гитлеровской ставке на Украину нам нужно некоторые имена в национально-украинск[ом] движении держать наготове. Грушевский — крупное имя. Вряд ли его стоит окончательно забывать в землю, он безусловно пригодится в нужную минуту. Мне кажется, Грушевского следует подержать материально и немного успокоить. Убежден, что он согласится выступить с любым протестом против Гитлера — Розенберга и пр.

Привет Г. Ломов

11/VIII.33 г.

* * *

Глубокоуважаемый Валерьян Владимирович!

Вот уж три года, как я лишен возможности сколько-нибудь нормально вести научную работу, а в последнее время я очутился в совершенно невозможных условиях. Первый период моей научной и культурной работы оборвала империалистическая война в 1914 г. Двадцать лет, 1894—1914, я работал во Львове в качестве профессора укр[аинской] истории, организатора научного общества (первой фактической укр[аинской] академии) и соредактора «Літературно-наукового вістника». В 1908—1914 я одновременно руководил и киевским укр[аинским] научным обществом, которого был основателем. Для укр[аинской] науки и культуры потрудился много, вложил в это все силы и здоровье; под моей редакцией и руководством вышло несколько сот книг научных, литературных, популярных. За это я попал в тюрьму и ссылку в Симбирск, оттуда переведен был в Казань, в Москву — здесь освободил меня 1917 год.

Революция лишила меня и всю семью — брата и сестру — наших материальных средств, культурных и научных богатств: библиотека, коллекции художеств[енные] и научные погибли в январе 1918 года, когда Муравьев¹ во время наступления на Киев сжег наш дом (выстроенный на средства, оставленные нам отцом, старым педагогом) нарочно, без всякого повода — просто для устрашения. Я выехал после того снова за границу, откуда вернулся в Киев по призыву новой укр[аинской] академии в начале 1924 г. Я не захотел войти в ее состав по назначению гетмана, когда она основывалась в 1918 г., но принял ее выбор в 1923 (до того времени я был членом академий краковской и пражской, позже — в 1928 — был избран во Всесоюзную по рекомендации обществ[енных] организаций и Нарком[ата] прос[вещения] Украины). Я хотел отдать остаток своих сил научной работе, укр[аинскому] культурному строительству, под протекторатом ленинской национальной программы довершить разные научные украиноведческие предприятия, начать старшими поколениями ученых, и я всецело отдал себя этой научной работе — в академии, в руководстве научно-исследоват[ельской] кафедрой, в редакторстве основанного мною журнала «Украина», притягивая к этой работе и своих прежних сотрудников — западно-украинских ученых. Советская власть шла навстречу этим планам и за семь лет, 1924—1930, мне благодаря этому удалось сделать много, что-то

80 книг научного содержания вышло под моей редакцией, в том числе 5 томов моей собственной Истории Украины, Истории украинской литературы², 2 тома капитального корпуса укр[аинских] дум моей дочери и др. В академии я застал директором истор[ико]-географич[еской] комиссии, на правах академика, своего младшего брата Александра, в качестве научного сотрудника своего племянника Сергея Шамрая; с собой привез и поставил на академическую работу свою дочь Екатерину, специализировавшуюся в пережитках первобыт[ной] культуры и фольклоре, успешно овладевшую зап[адно]европейской литературой этих предметов шире и глубже, чем это практиковалось кем-либо на Украине.

Я с юности был энтузиастом укр[аинского] возрождения и укр[аинских] изучений. По моим следам пошли младшие члены моей семьи, еще до революции, когда это не представляло никаких выгодных перспектив; они помогли мне в моей работе. Я выдвинул и новые молодые силы, стремившиеся идти в ногу с марксистским методом. Установка работы, во всяком случае, была вполне советская. Повторяю, я имел поддержку советской власти. Материал, помещавшийся в «Украине» и сборниках, выходявших при ней, проходил через контроль Гос[ударственного] изд[ательства] Украины, академии и окрита, и появлялось только то, что не встречало у них возражения. Вместе с тем и среди заграничных журналистов наши достижения оценивались как яркие проявления культурно-национального советского строительства.

Я надеялся доплыть до своего конца в этой атмосфере трудной, но успешной работы. Но все резко изменилось, когда я попал в опалу укр[аинского] Наркомпроса в 1928 г. и узнал о директиве: ни в чем не исполнять ходатайств Грушевского. Все мною организованное стало ликвидироваться: академические комиссии, научно-исследоват[ельская] кафедра, издания. При чистке укр[аинской] академии 1929 г. отставлено несколько полезных сотрудников, очевидно, только потому, что они были чем-нибудь со мною связаны, а научная работа моя подверглась крайне резкой и несправедливой оценке. Когда отделения укр[аинской] академии разделились на циклы, истор[ический] цикл намеревался приступить к изданию периодического органа — предложена была резолюция: вместе с тем прекратить издание «Украины», я возражал, указывая, что изданием этим академия не вправе распоряжаться — я редактирую его на основании своего договора с Госиздатом, — хотя оно выходило под фирмой академии (тогда это широко практиковалось), но академия не являлась его хозяйном (она получала «за фирму» 25 экз[емпляров] из редакционных и больше ни на какие имущественные права не претендовала). Журнал цикла имеет быть посвящен истории не только укр[аинской], но и общей, должен носить совершенно иной характер, чем «Украина», поэтому закрывать ее нет смысла, и под[обное]. Представители Наркомпроса уверили меня тогда, что в намерение его вовсе не входит закрытие редактируемого мною журнала и проект этот останется неосуществленным. Однако, когда после этого я выехал на сессию Академии [наук] СССР и по дороге был арестован в Москве и по освобождении должен был здесь остаться, не выезжая на Украину, Госиздат прекратил издание «Украины», остановил другие мои издания; набор очередного (VI) тома моей Истории украинской литературы был разобран, уже выпущенный II том корпуса укр[аинских] дум не вышел в обращение, и под[обное]. Я лично стал предметом весьма резких и несправедливых нападок, меня обзывали фашистом, империалистом, прислужником буржуазии, а в самое последнее время, при партийной чистке укр[аинской] академии, по директиве обкома снят с должности мой племянник Шамрай и замаран его трудовой список как растратчи-

ка академ[ического] имущества за то, что он забрал редакционное имущество «Украины» из академич[еского] помещения в мою квартиру (насколько я понимаю, это было сделано потому, что редакц[ионное] помещение должно было отойти под польский институт).

При обсуждении этого факта в академии имущество «Украины» рассматривалось как собственность академии или ее исторического цикла ввиду того, что орган последнего в конце концов тоже получил название «Украина» (вышла одна книжка за первое полугодие 1932 г.). До упомянутого обсуждения, 15.VII сего года, не было постановлений академии ни о ликвидации «истор[ической] секции» (под фирмой которой выходила прежняя «Украина»), ни о передаче имущества прежней «Украины» «Истор[ическому] циклу» и поручении ему взять на себя ликвидацию ее дел. Шамрай поступил неблагоразумно, не оформив этой перевозки подлежащим образом, не представив описи и под[обное], но никакого намерения посягнуть на имущество академии у него не могло быть, потому что имущество той «Украины» академическим имуществом не считалось. Теперь он арестован ГПУ, а 31.VI последние сотрудники комиссий, находившихся под моим руководством, сняты с работы за соучастие. Того же дня и брат мой — заслуженнейший работник академии, работник с 35-летним ученым стажем, снят с работы за саботаж, как пишут. Это мотив по отношению к трудолюбивейшему ученому звучит такой же ужасной иронией, как и обвинение Шамрая в расхищении — ценного научного работника академии, потерявшего здоровье в акад[емической] полевой кампании два года тому [назад] (когда он попал в реку во время ледохода благодаря распоряжениям своего бригадира), но стойко продолжавшего свою академическую работу до последнего времени.

В результате этой жестокой и спешной расправы я стал пугалом, всяк боится какой-нибудь прикосновенности ко мне, обвинения идеологические, политические, уголовные реют вокруг меня. У предела полувековой работы, посвященной трудящимся Украины, я оказался в чрезвычайной тяжелой моральной и материальной обстановке, лишен всякой возможности продолжать свою работу, хотя в смысле критической обработки научного материала она, смею думать, представляла бы немалую научную ценность и с точки зрения социалистического культурного строительства. Я лишился помощи сотрудников. Документальный материал для моей историч[еской] работы, подобранный мною за эти годы, отобран, опечатан, стал для меня недоступным. Моя киевская квартира с арестом Шамрая лишилась присмотра, в опасном положении — весной этого года ее разгромили среди бела дня. Флигелек, возвращенный нам ЦИКом после моего возвращения из-за границы в 1924 г., но не освобожденный от налогов, становится непосильным бременем: пока брат мой получал содержание академика, и Шамрай имел академическую должность, и мы все имели возможность подрабатывать литературной работой, мы могли оплачивать налоги (флигель совершенно бездоходный, заселенный почти не платящими жильцами). Но в последние годы налоги очень возросли, а мне приходится жить на два дома. С арестом Шамрая его мать-иждивенка, моя сестра, больная старуха, тоже бывшая науч[ная] работница, лишается содержания, и та же участь постигает моего брата. Я должен думать об их существовании.

Все это заставляет меня обратиться к Вам. Не откажите принять под защиту моих сотрудников, моего племянника, моего брата. Не откажите оградить и меня от всяческих инсинуаций, растущих и делающихся все более развязными благодаря моему опальному положению; я старался терпеливо сносить неудобства моего недобровольного пребывания в Москве, но оно не спасает меня и связанных чем-нибудь со

мною людей от преследований в Киеве, и теперь эти последние усиливаются по всякому поводу.

Бесконечно тяжело мне лишаться возможности научной работы. Помогите вернуть мои рукописи и получить для научного использования материалы, хотя составляющие собственность академии, но скопированные по моим указаниям, в плане моей работы, и получить возможность публиковать свои результаты, снять запрет с изданного и сданного в печать. Если в данный момент они признаются не подходящими для широких кругов (хотя по моему убеждению, с точки зрения социалистического строительства, они и тут не были бы вредны, а полезны!), то специалистам они должны быть доступны. До последнего обострения ценность моей научной работы не встречала возражений. Несмотря на дефекты зрения и др[угих] органов, в условиях благоприятных, при содействии, я мог бы еще поработать с пользой для науки. В надежде, что Вы не оставите без внимания моего ходатайства,

остаюсь с глубоким уважением
М. ГРУШЕВСКИЙ.

Телеф[он] Г-3-84-72
Москва 48, Погодинка 2/3, кв. 102

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. А. Муравьев (1880—1918) — подполковник царской армии, перешел на сторону Советской власти. В начале 1918 года командовал войсками, действовавшими против Центральной Рады.

² Пятитомная «История української літератури» была опубликована в Киеве в 1923—1927 годах.
